

[Polaris]

Леонид Савелов

ПРИНЦЕССА
ИЗА

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXV

Salamandra P.V.V.

Леонид Савелов

ПРИНЦЕССА ИЗА

Salamandra P.V.V.

Савелов Л. М.

Принцесса Иза. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 62 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXV).

Романтический русский путешественник Иволгин, оказавшись в стране пирамид, невольно проникает в тайны «подземного Египта» и во имя любви к давно умершей (а может быть, живой?) древнеегипетской принцессе переносит страшные испытания.

В очередном выпуске серии «Polaris» читателю предлагается первое за 100 лет полное переиздание небольшой мистико-фантастической повести Л. М. Савелова, видного генеалога, историка, коллекционера и общественного деятеля императорской России.

Александр Александрович Салеев

ПРИНЦЕССА ИЗА

I.

Был у меня приятель, которого я очень любил. Это был сердечный и отзывчивый человек, большой фантазер и идеалист. Мы с ним были в очень дальнем родстве, но росли вместе и сохранили дружеские отношения до самой смерти.

Он любил путешествовать, на что средств у него было вполне достаточно, и нередко мы расставались с ним на целые годы, когда он скрывался с русского горизонта; но эти продолжительные его поездки нисколько не нарушали наших дружеских отношений, так как мы были в самой оживленной переписке, и он самым подробным образом описывал свои всевозможные приключения и впечатления, и его письма-тетради всегда доставляли и мне искреннюю радость, внося в мою однообразную, одинокую жизнь струю свежего воздуха, а иногда так заинтересовывали меня, что я укладывал свой чемодан и отправлялся на розыски приятеля.

Но раз в вашей переписке наступил перерыв в несколько лет, и я решил уже, что мой друг сложил свои кости на берегах Нила, куда он поехал, и откуда я получил от него его последнее письмо с подробным описанием Каира, пирамид, гробниц аписов и других памятников египетской старины. После этого письма он вдруг замолк. Я написал нашему дипломатическому представителю, прося его навести справки, но и это нисколько не развеяло моей тревоги, так как я узнал только, что в числе умерших русских за последнее время Петра Петровича Иволгина нет; но это ничего не разъясняло, — мало ли что могло случиться: он мог утонуть, мог наконец забраться в какие-нибудь глу-

хие места Египта и быть там убитым, — и в том, и в другом случае его смерть могла быть не зарегистрирована...

У меня в голове возникали всевозможные предположения, — мне не хотелось верить, что Иволгин погиб; но когда прошло около двух лет — то я пришел к заключению, что друга моего уже нет в живых, — как вдруг получаю от него письмо из того же Каира, в котором он просил простить его за долгое молчание, объясняя его какими-то особыми событиями, случившимися в его жизни за это время, сообщал, что женился на египтянке и окончательно поселился в Египте, где и решил окончить свои дни. «Моя жена, — писал Иволгин, — не может выезжать за пределы Египта, а вместе с нею и я привязан окончательно к священной земле Гатор и Амона-Ра, исповедуя религию моей жены, т. е. религию древнего Египта». Меня несколько не удивила фантазия Иволгина поселиться окончательно в Египте, не удивило и то, что он принял религию жены-египтянки, — как я говорил уже, Иволгин был в высшей степени сердечным и привязчивым человеком, и было вполне естественно его желание молиться вместе с любимой женой; удивило только упоминание о какой-то религии древнего Египта: это для меня было совершенной новостью, я никак не предполагал, что такая может еще существовать. Неужели могли быть еще люди, поклоняющиеся Изиде, Амону-Ра, Гатор и их божественным современникам?

Иволгин звал меня в Каир посмотреть, как он устроился там. Приглашение пришлось мне очень по вкусу: кроме того, что я никогда не был в Египте, меня потянуло взглянуть на Иволгина и обнять моего друга. Сборы мои были недолгие: устроив свои дела в Петербурге, я выехал в Одессу, где сел на пароход, отходивший в Александрию. Были наша глухая осень,

мрачное небо, мрачное море, заунывное завывание ветра, серые, точно свинцовые, волны, бившие о борт корабля, который скрипел и вздрагивал всем корпусом. Все это мало содействовало хорошему настроению духа, и я начал жалеть, что пустился в это путешествие. В Константинополе было немногим лучше: те же свинцовые тучи, тот же холодный ветер. После Дарданелл стало теплей, днем можно было уже сидеть на палубе, а когда мы попали в Архипелаг, то я уже не жалел, что поехал. Группы зеленых островов, голубое небо и теплый ветерок, тянувший с юга — все это заставило скоро забыть всю ту мерзость русской осени, которую я оставил дома. После Пирея пришлось достать легкое пальто, а подходя к Александрии, я уже обходился и без него.

В Каир я приехал вечером; на вокзале меня встретил Иволгин. Он мало изменился за эти несколько лет, что я его не видел, только взгляд его стал как-то сосредоточен, в глазах появилось какое-то незнакомое мне выражение, наложившее особую печать на его красивое загоревшее лицо. Я почувствовал, что мой друг духовно изменился, что в нем что-то есть новое, что он стал еще дальше от обыденной жизни, от него точно исходило какое-то сияние, отражавшееся во всей его фигуре, в лице и особенно в глазах. Видно, что Иволгин жил своей внутренней жизнью и ею был бесконечно счастлив. Такое впечатление он произвел на меня с первого же момента встречи; проведенные затем с ним три месяца вполне подтвердили мое первое впечатление, а рассказ его об его жизни объяснил мне и саму причину такой перемены.

Иволгин повез меня к себе. Он жил в арабской части, в своем доме, богато отделанном в древнеегипетском вкусе, что было и оригинально и красиво. Поражало особенно то, что вся обстановка его дома была

крайне древняя, подделок почти не было: все это должно было стоить огромных денег, не говоря уже о труде собрать ее, — и я не мог не удивляться, каким образом Иволгин успел это сделать в такой сравнительно недолгий срок.

После ужина, причем Иволгин ел вегетарианский стол, мы довольно долго сидели в кабинете, где в особой нише возвышалась мраморная статуя какой-то египетской богини, украшенная свежими цветами; перед статуей стоял мраморный же жертвенник с несколькими светильниками. Иволгин много и подробно рассказывал о своих путешествиях, но, к моему удивлению, ни разу не коснулся одного вопроса — своей женитьбы и вообще ни одним словом не упомянул о своей жене, отсутствие которой меня немало смущало. Если бы она была нездорова, то все же, казалось бы, Иволгину следовало объяснить мне причины ее отсутствия, спросить же я постеснялся: мало ли что могло случиться между супругами — в конце XIX века для того, чтобы разъехаться, многого не требуется. Одним словом, он молчал, и я не спрашивал, и мы так и разошлись по своим спальням, а я ничего не узнал о хозяйке дома. На другой день утром мы сошлись в столовой, но были опять вдвоем, и опять Иволгин не упомянул ни одним словом о своей жене, и я положительно терялся в догадках. Перед завтраком хозяин предложил мне осмотреть его дом, который представлял из себя точное воспроизведение жилища знатного египтянина. Стиль везде был строго выдержан; но меня, как и накануне, особенно поразило то, что почти вся обстановка была действительно страшно древняя, и нужно было удивляться не только огромной ценности всего собранного, но и тому, как можно было собрать всю эту драгоценную коллекцию древнейшей мебели, что даже при больших средствах Иволгина

казалось почти невероятным. Обстановка всего дома, думаю, стоила не одну сотню тысяч, а таких средств на одно убранство дома Иволгин истратить, конечно, не мог. Вероятно, на моем лице отразилось недоумение, потому что Иволгин без всякого вопроса с моей стороны заметил:

— Вся обстановка дома принадлежит моей жене, и я бы сам, конечно, не мог его так обставить.

«Ага, — подумал я, — наконец-то заговорил о жене. Может быть, загадка ее отсутствия и разрешится». Но я ошибся: мы продолжали обход дома, Иволгин давал разъяснения, но о жене молчал. Везде были видны признаки присутствия в доме женщины, видно было, что это — обиталище женатого человека: все было изящно, уютно, всюду был порядок, чистота, но самой хозяйки нигде не было. Наконец мы вошли в комнату, отделанную весьма изящно, стены были украшены старинными металлическими зеркалами и опахалами из страусовых и павлиньих перьев; так же, как и в кабинете самого Иволгина, в глубокой нише стояла статуя той же богини, убранная цветами, и перед нею возвышался белый жертвенник. Все было в строгом древнеегипетском стиле и было удивительно поэтично: комнату наполнял какой-то странный аромат, совершенно мне не знакомый, но очень приятный и подходивший к этой поэтической и оригинальной обстановке. На одной из стен висел большой, но современный уже портрет великолепной кисти: на нем была изображена в древнем египетском одеянии молодая женщина поразительной красоты. Я невольно остановился перед этим портретом и спросил Иволгина, кого он изображает.

— Это — моя жена, — ответил он.

— Кстати, Петя, я все жду, когда ты представишь меня своей супруге; ее, вероятно, нет дома. Ведь ты

мне ничего еще не рассказал о своей женитьбе и о своей подруге жизни, которая перевернула всю твою жизнь, изменила все твое мировоззрение, превратила тебя в поклонника древних египетских богов, наконец, сделала тебя, по-видимому, оседлым человеком!..

— Нет, жена дома, но ее сейчас нельзя видеть, — как-то смутившись, ответил Иволгин.

— Значит, у тебя есть еще комнаты в доме, — хотя мы как будто обошли его весь.

— Нет, это все, что ты видел. Но жена не всегда бывает видима.

Я с недоумением взглянул на Иволгина, так как решительно ничего не понял из его слов: что значит «не всегда бывает видима»? Иволгин, по-видимому, заметил мое недоумение, потому что взял меня под руку и довольно смущенным голосом сказал:

— Не думай, мой друг, во-первых, что я сошел с ума, а во-вторых, что я хочу от тебя что-нибудь скрыть. Ты должен знать, что никаких тайн у меня от тебя не существует; но это не моя тайна, это — тайна моей жены, и я должен спросить у нее разрешения рассказать тебе все то, что произошло с нами обоими за то время, как я впервые увидел мою теперешнюю жену. Это с обыкновенной точки зрения ни во что не верующего и все отрицающего человечества весьма необычно и непонятно. Но я не боюсь, что ты сочтешь меня сумасшедшим, и если жена разрешит мне — то я подробно, ничего не скрывая, расскажу тебе о встрече с Изой, о нашей женитьбе и о всех последующих событиях нашей жизни. А может быть, мне удастся уговорить жену показаться и тебе, и я почти уверен в этом, так как ближе тебя у меня никого нет на этом свете. Кроме меня, ее действительно теперь никто не видит, но я все же надеюсь, что из любви ко мне она на этот раз сделает для тебя исключение. А пока, мой друг, ты меня ни о

чем не расспрашивай: как только я получу согласие жены — я сейчас же, без твоих просьб, расскажу тебе о всех событиях в моей жизни, случившихся после того, как я написал тебе первое письмо из Каира.

Несмотря на то, что Иволгин убеждал меня не считать его сумасшедшим, — грешный человек, я в ту минуту заподозрил, что мой друг в действительности малость рехнулся. Я никак не мог себе представить, что это за таинственная жена, которую никто не может видеть, за исключением одного мужа, и меня невольно интересовал вопрос, видит ли ее сам Иволгин, и не есть ли эта прекрасная египтянка плод его больной фантазии. Смущало меня лишь присутствие портрета: откуда мог он взяться? Если не существовало самого оригинала, не мог же его выдумать сам художник в угоду Иволгину?

Единственно, чем можно было объяснить его поведение, это внушение, но, насколько мне было известно, Иволгин никогда не обладал гипнотическими способностями, так что это объяснение в конце концов меня мало удовлетворяло; наконец, обстановка и убранство дома говорили за то, что есть кто-то помимо Иволгина во всей этой странной истории, — но кому же постороннему придет блажь тратить огромный капитал на убранство чужого дома? — все это были вопросы, в которых я окончательно запутался. Я видел только одно: что Иволгин как-то переродился и совершенно счастлив со своей таинственной женой-невидимкой, и мне оставалось лишь запастись терпением и ожидать от самого Иволгина разъяснения тех загадок, которыми он оказался окружен.

Отложив все свои недоумения, я занялся тщательным осмотром самого Каира и его окрестностей, на что уходили все дни, а вечера мы проводили с Иволгиным в его кабинете, — он рассказывал о своих путе-

шествиях, а я передавал ему свои впечатления, вынесенные за истекший день от осмотра древностей. Дни проходили за днями, но о жене Иволгин ни разу не сказал ни одного слова, точно ее и не существовало; я же, помня его просьбу и обещание, также не намекал ему, что желаю узнать что-нибудь о его удивительной жене, и ничем не выдавал терзавшего меня, должен сознаться, любопытства.

Один день я посвятил осмотру гробниц священных аписов. Надо было ехать по железной дороге, затем довольно долго на ослах, так как гробница эта расположена в пустыне. Было очень жарко, раскаленный песок жег ноги, а солнце, казалось, хотело превратить нас в сухари, и если бы не спасительный «домик Мариетта», где мы передохнули и подкрепились взятыми с собой припасами, — вероятно, тем дело бы и кончилось, и нас бы привезти домой в виде жаркого. Гробницы аписов произвели на меня сильное впечатление, чему способствовала и сама обстановка посещения подземелья, где стоят огромные саркофаги, хранящие останки священных животных.

Мы спустились туда при свете факелов, которые придавали какой-то кровавый оттенок мрачным стенам и сводам; гулко отдавались наши шаги в этой могильной тишине, от движения пламя факелов колебалось и вызывало на стенах какие-то тени, которые точно сопровождали нас, оберегая вечный сон аписов.

Температура была очень высока, и чем дальше мы углублялись, тем труднее становилось дышать.

Возвратился я домой очень усталым и, против обыкновения, на этот раз не отдал своему хозяину отчета о виденном в течение дня и не поделился с ним своими впечатлениями, а, вытянувшись на диване, разглядывал Иволгина, который сидел в кресле и был как-то торжественно сосредоточен. Всматриваясь в черты его

лица, я был удивлен найти в них следы египетского типа, на что я раньше никогда не обращал внимания; теперь же, чем больше я вглядывался, тем этот тип становился для меня все ясней и ясней, а между тем это было все то же лицо, которое я знал уже не один десяток лет. «Какое странное совпадение, — думал я. — Почему это природе угодно было дать ему сходство с каким-то египтянином, точно соскочившим с древних фресок, а судьба послала ему жену-египтянку, переселила его в Египет и сделала из него поклонника Амона-Ра? Чего только не бывает в этом чудном из миров», — подумал я, не воображая, что все это имело свои основания и далеко не было случайным.

Перед тем, как разойтись по своим комнатам, Петр Петрович сообщил мне, что завтра надеется видеть жену, и тогда спросит ее разрешения рассказать мне о своей женитьбе и о всех своих приключениях. Лицо Иволгина отражало такое счастье, что я невольно позавидовал моему другу: он, видимо, предвкушал всю сладость предстоящего свидания, а я недоумевал еще больше. На другой день я почти не видел Иволгина, он весь ушел в себя, был крайне сосредоточен и сидел, все время запершись у себя в кабинете, выходил только к завтраку и обеду, причем выпил лишь немного молока и съел меда. Видимо, из кабинета он выходил только, чувствуя как бы обязанность хозяина не оставлять за столом гостя одного; хотя со мной ему церемониться было нечего, — но и в этой мелочи сказалась его натура.

На другое утро Иволгин сообщил мне, что свидание с женой состоялось, разрешение последовало, и что вечером он сообщит мне обо всем. Вид у него был, правда, несколько утомленный, но счастье отражаюсь в его глазах по-прежнему.

«Что за дьявольщина, — думал я. — Уж не спиритизмом ли увлекается мой друг и не вызывает ли он тень своей жены? А может, кто-нибудь его морочит? Но тогда откуда же вся эта обстановка? Еще, чего доброго, с ним тут и сам с ума сойдешь. И дернуло же меня поехать в этот проклятый Египет, где люди женятся на каких-то невидимых призраках, разговаривают с ними, советуются и счастливы». Но раз попал в эту кашу, приходилось ее расхлебывать и доводить дело до конца, и я с нетерпением и, не скрою, с некоторым волнением стал поджидать вечера, боясь, что этот вечер окончательно выяснит передо мною ненормальность моего друга. После обеда, как и всегда, мы перешли в кабинет, и Иволгин рассказал мне все то, что случилось с ним в промежуток этих двух лет; и, к моему удивлению, этот рассказ, несмотря на свою необычность и даже фантастичность, развеял все мои сомнения относительно умственных способностей Иволгина и убедил меня в его совершенной нормальности.

Я поведу рассказ от его имени и постараюсь передать все слышанное в его же выражениях, как я записал это в своем дневнике.

Смерть Иволгина освободила меня от моего обета молчания, почему я и решил рассказать о его необыкновенных приключениях.

II.

то было в 188... году, — начал свой рассказ Иволгин. — К этому времени я успел объездить все страны Западной Европы, которая меня мало удовлетворила. Ты знаешь, что я в душе всегда был поэтом и отчасти даже мистиком, и сам ты говорил, что я не от мира сего; ну, а для этого в Европе слишком мало материала, особенно же для мистицизма: всюду приходится сталкиваться с самым грубым и пошлым материализмом, вся Европа погрязла в денежных расчетах и в погоне за материальными выгодами, всюду поклоняются золотому тельцу. Для поэзии нет места, самые поэтические уголки испорчены людьми, жаждущими и из них извлечь какой-нибудь барыш. Я решил посетить Восток, эту страну чудес, где надеялся найти то, к чему с детства стремилась моя душа. Начать я решил с Египта, который давно притягивал меня к себе.

С жадностью всматривался я в голубую даль, которая скрывала от меня этот таинственный Египет.

Был полный штиль, и наш пароход мерно рассекал зеркальную поверхность моря; только изредка набегал легкий порыв ветра и покрывал небольшой рябью все бесконечное пространство задремавшего моря. Появились чайки и с резким криком носились над водой, точно желая сообщить нам о близости берега. Вся многочисленная публика, бывшая на пароходе, высыпала на палубу и всматривалась в горизонт; у многих в руках были бинокли. Наконец на юге показалась какая-то белая точка. Я не обратил на нее внимания, но оказалось, что это был знаменитый Александрийский

маяк; вскоре за тем начала выдвигаться узкая полоса африканского берега, в этом месте совершенно плоского и нисколько не интересного. У меня усиленно забилося сердце: наконец я приближался к великой стране фараонов, сфинксов и пирамид, к стране, окутанной дымкой таинственности, к стране Изиды и Амона-Ра. Я был уверен, что здесь я не разочаруюсь, а найду полное удовлетворение своим душевным наклонностям и утолю свою жажду поэзии и мистицизма.

Берег быстро приближался, скоро мы вошли в порт и, исполнив некоторые таможенные и санитарные формальности, подошли к пристани у самой набережной. Раздалась обычная команда «крепи концы», переброшены мостики — и целая толпа черномазых носильщиков, комиссионеров и проводников хлынула на пароход. Через несколько мгновений я был на берегу. Меня охватил такой восторг, что если бы не было стыдно, то я тут же бы припал к земле, имевшей за собой длинный ряд тысячелетий. Настроение мое было какое-то особенное: мне казалось, что я вернулся на свою родину после страшно долгого отсутствия; я готов был плакать от восторга при взгляде на каждого из этих черномазых обитателей Египта, казавшихся мне близкими, родными.

Александрия, как ты знаешь, не представляет из себя ничего интересного, и я, посетив музеи и катакомбы, взглянув на колонну Птолемея, в тот же день выехал в Каир. Все время я себя очень странно чувствовал: мне казалось, что я все это уже видел и мог обходиться почти что без проводника, — но особенного значения тогда я этому не придавал. Однако это чувство продолжалось и во все время моего дальнейшего путешествия по Египту, что меня поражало все больше и больше, пока последующие события не разъяснили мне, в чем тут дело.

Каир мне удивительно понравился и, несмотря на сознание, что я когда-то был здесь, я восторгался всем и всеми. На другой же день после приезда я отправился к пирамидам — они давили меня своими размерами, но не могу сказать, чтобы произвели на меня глубокое впечатление. Глядя на них, я не чувствовал в себе того трепета, который охватывал меня каждый раз, когда я приближался к памятникам древнего Египта, но зато сфинкс, наоборот, произвел на меня особенно сильное впечатление и точно очаровал меня. Я долго простоял около него и всматривался в эту величественную и могучую фигуру. Его таинственный взгляд, устремленный, казалось, в седую глубь веков, притягивал мои глаза, и мне хотелось разгадать его мысли, хотелось прозреть то, что он видит на протяжении длинного ряда протекших перед ним тысячелетий его существования. Прошли тысячелетия, сменился бесконечный ряд поколений, сменились династии, рушились царства, на смену старым богам пришли новые, на развалинах древних храмов и верований возникли новые — а этот безмолвный свидетель глубочайшей древности стоит все с той же таинственной улыбкой и смотрит в даль, точно желая разгадать будущее священной страны Нила. Что ожидает ее? Переменит ли она тяжелые цени рабства на золотой венец свободы, и преклонит ли когда-нибудь туземный житель Египта колени перед троном свободного царя, держащего в руках скипетр Верхнего и Нижнего Египта? Что говорит нам эта таинственная улыбка сфинкса? Не говорит ли она о том, что он видит, хотя, может быть, и в весьма отдаленном времени, новое величие старика Египта, видит восстановление старого трона, украшенного цветами лотоса, как эмблемой свободы и славы?

Мне хотелось посмотреть на сфинкса при лунном освещении, предполагая, что при этом освещении он еще больше будет очаровывать и должен вызвать особое повышенное настроение; но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания, но нисколько не разочаровало, а напротив убедило в том, что Египет может дать именно то, что я искал в течение многих лет скитаний по белому свету.

Солнце склонялось к западу, когда я с проводником отправился на осле к сфинксу. Мы ехали довольно быстро, так как приходилось спешить, чтобы добраться засветло: здесь темнота наступает сейчас же после заката солнца, Египет не знает сумерек, а луны приходилось ожидать часа два. Мы добрались весьма вовремя: когда подъехали к пирамидам, то уже последние лучи солнца освещали памятник Хеопса. Отпустив своего проводника, который должен был приехать за мной с восходом солнца, я стал устраиваться на ночлег между огромными лапами сфинкса. Наступила темная южная ночь, мириады звезд загорелись на темном небосклоне, — звезд, которые видели создание пирамид, присутствовали при возникновении сфинкса, видели их величие и могли многое рассказать из жизни тех, которые воздвигали все это, желая бросить свои имена грядущим векам и поколениям, — но случилось не то, чего они искали: имена их забыты, забыты их деяния, стоят только эти безмолвные памятники их былой, теперь забытой, славы и служат развлечением праздным туристам и доходной статьей местным арабам.

Так в этом мире все преходяще, ничто не вечно, вечен только один дух, который двигает всем, создает все и переживает все создания человечества, переживает все миры, наполняющие вселенную...

На смену жаркого дня наступила прохладная ночь. Я закутался в плед и стал всматриваться в таинственный сумрак. Глубокая тишина охватила дремлющую пустыню, ничто не нарушало покоя, только сфинкс, вероятно, продолжал глядеть сквозь этот черный покров ночи и думал свою тысячелетнюю думу. Показались признаки скорого появления луны: небо в одном месте начало светлеть, звезды теряли свою яркость, наконец появился и диск луны и сразу залил голубым светом и пустыню, и пирамиды, и всю гигантскую фигуру сфинкса.

Вдруг два снопа ослепительного света точно брызнули из обоих глаз сфинкса, и одновременно с этим мне почудились какие-то звуки, исходившие будто из его недр. Я припал к его груди и стал прислушиваться — действительно, шум исходил из него. Я замер. Шум все увеличивался. Я стал различать пение, вначале тихое, затем все громче и громче. Казалось, оно приближалось; затем оно сделалось настолько громким и отчетливым, что ясно было, что поющие вышли уже из сфинкса и поют на открытом воздухе. Вдруг показалось шествие. Я приник к лапам сфинкса, стараясь быть в тени, чтобы не выдать своего присутствия. Происходило что-то необычное.

Впереди шли жрецы, которые на богато убранных носилках несли какую-то золотую статую. Все были в древнеегипетских одеждах; вслед за жрецами шли мужчины в богатых одеяниях, залитых драгоценными камнями; головы их были украшены золотыми обручами с подымающейся впереди головкой змеи; за ними шла большая толпа в более скромных одеждах, с клафтами на головах. Жрецы остановились перед сфинксом и поставили статую на пьедестал; вокруг появились жертвенники, за клубился фимиам, и скоро ароматические клубы дыма скрыли статую. Вся толпа простер-

лась ниц, а женщины опять запели. Они пели на древнеегипетском языке, но странно — я понимал все от первого слова до последнего. Постепенно к женщинам присоединились все присутствующие: они оплакивали прошлое величие Египта, оплакивали своих богов.

Волны густой, но величественной мелодии, казалось, наполнили весь мир и поднимались в высь — к престолу Творца всей вселенной, к Творцу всего жившего и всего живущего. Эти представители древнего Египта, казалось, хотели в своем песнопении высказать Отцу своему небесному все свое необъятное горе, горе своей великой страны, потерявшей свободу, потерявшей религию и принужденной покориться пришельцам, принесшим ей и свою культуру и своих богов и наложившим на все тяжелые цепи рабства; хотели высказать о тех страданиях, который переживает народ египетский под тяжелым бременем чужеземного ига. Постепенно мелодия делалась торжественней — началось славословие, говорилось о справедливости и милосердии Царя царей, видящего все, что испытывают страна и народ, затем все перешло в мольбу о прощении за все те грехи, которые навлекли такую тяжелую кару, продолжающуюся уже целый ряд веков. Все закончилось могучим аккордом звуков, которые расходились мягкими волнами и замерли в песках пустыни. Я весь погрузился в созерцание этой дивной, никогда не виданной картины; я всматривался в пустыню, освещенную голубым светом луны; всматривался в строгие лица этих неведомых, таинственных людей, вышедших на моих глазах из глубоких недр старого сфинкса, свидетеля их отдаленной жизни. Страха я не испытывал никакого, мне казалось это чем-то знакомым, я точно жил жизнью этих древних египтян: я понимал их горе, переживал то, что переживали они,

страдал вместе с ними, вместе с ними молился, сочувствуя всему тому, что они просили у Творца для себя, для своего народа, для своей страны.

Меня нисколько не поразило их таинственное появление, мне казалось это вполне естественным: в ту ночь сказалось вполне мое мистическое настроение, моя душа рвалась навстречу всему таинственному, всему неведомому, она помимо воли, казалось, впитывала в себя все верования древнего Египта, не сознавая, что она не чужда им, и уже тогда готова была воспринять его религию и преклониться пред таинственным ликом Изида и Гатор, готова была уже поклоняться тем богам, которым поклонялся древний египетский народ, и с которыми она сжилась в свое отдаленное воплощение.

Я не знаю, долго ли продолжалось богослужение, но блестящий диск луны был уже на противоположной стороне неба, когда вся толпа, имея опять во главе жрецов, несших статую богини, двинулась с пением в обратный путь.

Пение все удалялось, пока не замерло совсем в недрах сфинкса. Одновременно с этим померк свет в его глазах, и пустыня опять погрузилась в сон; но через несколько минут на востоке, из-за Нила, вынырнуло солнце, пославшее свой теплый привет старику, хранившему в своих неведомых недрах великие тайны древнего Египта, частицу которых мне выпало счастье увидеть. Появился и мой проводник с ослами, и я отправился в Каир, подавленный и очарованный всем тем, что видел в сумраках этой южной ночи, полной дивных образов и таинственных видений. Несмотря на то, что душа моя рвалась навстречу всему таинственному, и что где-то там внутри какой-то голос говорил о возможности всех этих явлений, все же во мне сказывалось воспоминание, отвергающее все чудесное,

не признающее ничего, что не подходит под законы физики, и я, как человек XIX столетия, должен был отвергать все то, что видел и слышал. Как человек культурный, я обязан был объяснить это возбужденным состоянием нервов, самовнушением, болезнью мозга, одним словом чем угодно, но только не действительностью, не возможностью подобных явлений.

В этот день, конечно, я никуда уже не выходил, а провел все время у себя в гостинице, стараясь разобраться в этих впечатлениях и дать им возможное объяснение — но из этого у меня ничего не выходило: я был слишком уверен, что ничего подобного я никогда себе раньше не представлял и потому внушить себе этого не мог, и наконец всю картину я видел так ясно, так отчетливо, так хорошо слышал пение, прекрасно запомнил его грустные мелодии, что говорить о какой-либо галлюцинации было положительно невозможно. Но ответить пока на вопрос, что же это было, — я тогда еще не мог, и только ряд последующих событий вполне раскрыл передо мной завесу, скрывающую от нас другой мир.

Но если тогдашняя ночь не ответила мне на мучительный вопрос, то во всяком случае она многое во мне поколебала, она была первым шагом в моем перерождении; эта ночь положила во мне начало нового мирозерцания, а дальнейшие события моей жизни сделали меня убежденным поклонником древнеегипетской культуры и приверженцем египетской религии, и, как ты видишь, здесь, в своем кабинете, я воздвиг статую богини Изиды и поставил ей жертвенник. Ей я обязан своей жизнью, она же сделала меня счастливейшим из смертных, на ее же помощь надеюсь я в своей будущей жизни и во всех моих последующих воплощениях.

Этим закончил Иволгин свой рассказ в этот вечер. Из него я начал догадываться, к каким существам принадлежала его жена, и, не принадлежа к людям, верующим в возможность перевоплощения, я, конечно, первым делом подумал, что все эти видения — плод больной фантазии, развившейся до феноменальных размеров, так как нельзя же было допустить действительность всех этих явлений, что я в мягких выражениях и высказал Иволгину, стараясь не оскорбить его своим недоверием, но он только с сожалением взглянул на меня и спросил:

— Веришь ли ты в то, что материя не исчезает?

— Конечно, — ответить я, — этому учит нас самая элементарная физика.

— Но кому обязан мир всеми великими открытиями, кто открыл пар, электричество, кто двигает массы — грубая ли материя, или иная сила, духовная, проводящая в жизнь свои идеи только посредством этой неисчезающей материи?

Я, конечно, должен был согласиться, что сила духа, сила воли сильнее материи, и что материя находится на службе духа.

— Но в таком случае, — продолжал Иволгин, — если ты признаешь дух более сильным, чем материю, то почему ты, допуская вечность материи, в то же время отрицаешь возможность сохранения более сильного, чем материя, духа? Это, согласишься сам, крайне нелогично и непоследовательно. Если допускать вечность материи, то надо допускать и вечность духа. Веришь ли ты в существование в мире разумного начала? Ты должен, конечно, согласиться, что иначе и быть не может. Взгляни на весь этот чудный мир. Неужели можно все объяснить одними физическими законами, неужели эта чудная гармония, существующая между всеми мирами, между всеми творениями, не носит отпечатка творче-

ской, живой мысли, а не одной сухой физической формулы? Но если признавать существование высшей творческой силы, то можно ли допустить, чтобы эта творческая сила была несовершенна? В течение целого ряда тысячелетий народы всего мира признавали существование этой высшей руководящей силы, отождествляя ее то с Зевсом, то с Буддой, то с Амоном и с целым рядом богов, но в конце концов это, конечно, было одно и то же — это тот неведомый Бог, которому еще в глубочайшей древности в Афинах был поставлен жертвенник, и дело было, конечно, не в имени и не в способах его прославления. Повторяю — во все времена и все народы признавали это разумное начало, признавали Творца вселенной, хотя, может быть, и представляли его себе различно; но дело, конечно, не во внешности и не в способах прославления. Наконец, взгляни на красоты мира, взгляни на этот темный небосклон с мириадами других миров, взгляни на мотылька, порхающего по цветам, на орла, гордо парящего в воздухе, взгляни наконец на человека, владеющего разумом и покорившего себе весь этот видимый мир, — разве во всем этом не чувствуется разумного творчества, не чувствуется хозяина той лаборатории, из которой вышла вся вселенная, но которую современный человек хочет сделать бездушным учреждением, где все подчинено лишь одному физическому закону, не признающему ни красоты, ни поэзии? О, как же все было бы мизерно и пошло, как бы не соответствовало величественной красоте вселенной, если бы все происходило так, как говорят наши ученые мудрецы!

И народы древности понимали это гораздо лучше нас, так как в их верованиях работало больше сердце, чем холодный рассудок. Те же древние египтяне говорили об Амоне, как о начале всего сущего, едином тво-

рящем всякую плоть, сотворившем не только род человеческий, но и остальных богов, которые сами поклонялись Амону, как творцу их.

Но идем дальше. Может ли Творец этого дивного мира быть сам несовершенен? Конечно, нет. Может ли он быть несправедливым? Конечно, нет — тогда бы он не был высшим разумным началом, так как несправедливость явилась бы нарушением гармонии всего его мироздания. Но тогда, скажешь ты мне, почему мы бываем свидетелями совершающихся на каждом шагу несправедливостей, почему мы видим, что сплошь и рядом преступление остается безнаказанным, а порок торжествует? И на это я дам тебе ответ: человеку дан разум, дана свободная воля, он сам распоряжается своими действиями, но это еще не значит, что он не обязан будет дать в них отчет и не понесет наказания за совершенные им проступки и преступления; иногда он несет наказание в течение этой же жизни, а если нет — то дух его воплощается вновь, чтобы искупить свои преступления, совершенные в предыдущее воплощение. Христианство говорит о вечных муках, но разве вечное мучение совместимо с идеей Божества, с идеей высшего, разумного и справедливого начала? Где же здесь милосердие, о котором говорит то же христианство? Согласись, что это непоследовательно. Если Господь милосерд, то нет вечных мук, а если есть вечные муки — то нет милосердия: одно другое несомненно исключает. Человечество окружено такой массой всевозможных соблазнов, борьба за существование так трудна, что карать вечными муками слабовольного человека за совершенные им проступки и даже преступления несправедливо и несовместимо с величием Творца, и вот повторные воплощения и являются теми наказаниями, которые несет человечество; но вместе с тем эти воплощения дают духу возмож-

ность усовершенствоваться и в своем совершенствовании постепенно приближаться к тому разумному началу, которое оживляет всю вселенную. Жизнь — это школа для духа, который в своих перевоплощениях стремится к одному животворному, разумному, руководящему началу. Вот моя вера, которая ведет меня по моему жизненному пути, которая объяснила и объясняет мне все то, что произошло и происходит со мной, и без которой все эти явления остаются в области чудес и отрицаются холодным рассудком современного человечества, выводящего свое происхождение и свое бытие из физического кабинета и отрицающего всякое духовное начало в создании мира. Моя вера — это жизнь, тогда как в вере современного человечества, если оно только верит еще во что-нибудь, слышится запах плесени, запах могилы, но не нашей могилы, являющейся звеном в длинной цепи существования духа, а могилы черной, сырой, без просвета и без надежды.

Вдохновенная речь Иволгина была так логична, так заманчива, что я не нашелся, что ответить ему, и ничем не мог опровергнуть высказанных им положений.

III.

В Каире я в тот приезд прожил недели три, несколько раз повторял свой опыт и проводил ночи у подножия сфинкса в надежде что-нибудь увидеть, но явления больше не повторялись, и я решил, что тот раз у меня просто разыгрались нервы, и все то, что я тогда видел, было результатом разыгравшейся фантазии. Я ехал в Египет в надежде увидеть что-нибудь необычное, и виденное мною явилось только результатом моего душевного настроения. Теперь то и хорошо знаю, что все это происходило не во сне, а наяву. Церемонии эти происходят в известные дни года, и я совершенно случайно попал в ту именно ночь, когда происходила одна из них. Конечно, для того, чтобы увидеть что-нибудь, надо было, чтобы я удовлетворял некоторым условиям, лежащим внутри меня, чего я тогда еще не знал. Теперь я обыкновенно всегда присутствую на них, так как мне известны дни, когда бывает богослужение, и если ты пожелаешь — то, я надеюсь, мне удастся получить для тебя разрешение посмотреть на одно из них. Надеюсь, ты погостишь у меня: ближайшая церемония произойдет через семь недель; это будет в полнолуние, и ты все тогда хорошо увидишь.

Эти три месяца я провел почти исключительно в арабской части города и в мечетях, куда меня привлекал их таинственный полумрак, так гармонирующий с простотой их обстановки и ритмическим гулом от чтения Корана правоверными. Я бежал от суеты современного Каира с его великолепными отелями и напыщенными англичанами и искал спокойствия среди

тишины молчаливых мавзолеев, воздвигнутых над гробами великих людей когда-то свободного Египта. Но это было все еще не то: я жаждал углубиться в седое прошлое древнего Египта, когда священная долина Нила управлялась туземными фараонами, углубиться в ту эпоху, когда всюду воздвигались жертвенники Амону, Озирису, Изиде и другим богам, покровительствовавшим стране великого Рамзеса. Меня неудержимо привлекала к себе эта эпоха, казавшаяся мне чем-то родным и близким, но для этого надо было проникнуть внутрь страны, подняться вверх по Нилу и посетить знаменитые Карнакские храмы и древние царские могилы в Фивах.

Я отправился в Луксор, расположенный на восточном берегу Нила, в нескольких верстах от Карнака и Фив. Луксор — это небольшое местечко, но имеющее несколько прекрасных гостиниц, устроенных с расчетом удовлетворить требовательных и капризных англичан. Одна из них лежит на самом берегу Нила, а в нескольких шагах от нее находятся развалины храма Амона, выстроенного за 1.500 лет до Р. Х. фараоном Аменхотепом III; но при Рамзесе II храм был значительно расширен, была выстроена великолепная колоннада, поражающая и теперь своими размерами, поставлен пилон и два обелиска и устроен передний дворик, где между пилястрами воздвигнуты были огромные статуи самого Рамзеса; некоторые из них сохранились и до нашего времени. Храм этот очень пострадал, часть его находится под землей, и в этом месте возвышается теперь небольшая мечеть с минаретом.

Сравнительно с храмами Карнака Луксорский храм производит меньшее впечатление, но зато хорош он при лунном освещении; впрочем, тогда выигрывают вообще все развалины, — например, более поэтического места, чем Акрополь в Афинах при луне, я не ви-

дел. Резко выступают тени, фигуры кажутся еще больше, и чудится, точно оживают они в эти ночи, озаряемые бледными лучами таинственной луны.

На другой же день после приезда в Луксор я отправился в знаменитые стовратные Фивы с целью посетить гробницы царей и цариц, которые меня особенно интересовали и притягивали.

Выехал я из Луксора около пяти часов утра. Солнце только что взошло и золотило Ливийский хребет, который тянулся на западе и в скалах которого похоронены бывшие владыки Египта и их приближенные. Было еще свежо. Переправившись через Нил, мы направились с проводником на ослах к западу. Вдали показались знаменитые колоссы Мемнона, эти до сих пор величественные, хотя и весьма пострадавшие от времени и землетрясений, остатки седой старины Египта; после них виднелась песчаная полоса, тянувшаяся уже вплоть до подножия самого хребта. Почва постепенно повышается; мы приближаемся к цели. Наконец мы у входа в одну из гробниц; там собралась уже большая компания туристов всевозможных национальностей; мы с проводником присоединились к ней, вошли в коридор, который должен был привести нас к самой гробнице. У всех в руках были свечи, которые мерцали в темноте, слабо освещая внутренность коридора. Толпа вела себя, по обыкновению, крайне непристойно, ведя неподходящие обстановке разговоры, слышались хохот, шутки; меня все это крайне раздражало, и я понемногу отстал от толпы и остался наконец один, стараясь разглядеть живопись на стенах, которая изображала картины из жизни старого Египта. Но странно — все это казалось мне удивительно знакомым, и я ломал себе голову над вопросом, где я мог это видеть, и решил, что, вероятно, все это было издано,

и я где-нибудь видел это издание, хотя никак не мог припомнить, где именно.

К самому саркофагу я подошел в то время, когда дикая орда туристов с таким же шумом уже уходила обратно. Я подошел к саркофагу — он был пуст: очевидно, мумию куда-нибудь увезли, и она под № украшает какой-нибудь музей. Мне стало невыносимо грустно, я прислонился к стене и задумался. Мне казалось, что я присутствую при похоронах, мне чудились рыдания близких людей, хоронивших драгоценный для них прах и украшавших с любовью эту дорогую для них могилу. Затем проходят века — являются чужие люди, взламывают саркофаг, выкидывают из него мумию, обшаривают его и ищут драгоценности и высчитывают те барышни, которые получают они за эту удачную находку саркофага и мумии, когда-то оплаканной, а теперь валяющейся в пыли в полном пренебрежении. Под тяжелым гнетом этих грустных мыслей опустился я на колени перед саркофагом, точно желая вымолить прощение за поругание святыни, совершенное моими современниками; я был точно в каком-то оцепенении. Не знаю, сколько времени продолжалось такое состояние, но вдруг я почувствовал, что будто кто-то на меня смотрит; я поднял голову и к удивлению увидел стоящую у самого саркофага молодую женщину дивной красоты в богатом древнеегипетском одеянии. Черты ее мне были очень знакомы. Глаза ее были устремлены на меня, и она, видимо, рассматривала меня и точно что-то припоминала. Я, в свою очередь, стал ее рассматривать, — весь ее облик, ее лицо, наконец и ее одежда — все казалось мне не только давно знакомым, но чем-то удивительно близким, родным; меня неудержимо влекло к ней. Так прошло несколько мгновений; мы внимательно друг друга разгля-

дывали. Наконец она провела рукой по глазам и заговорила:

— Зачем ты здесь, что привлекло тебя сюда? Праздное любопытство или алчность, которой заражено современное человечество? Но ты опоздал: видишь эту могилу — ее уже успели разграбить раньше; ты здесь ничего уже не найдешь, не найдешь даже той, чей прах с любовью и со слезами был опущен в этот саркофаг, — даже он понадобился твоим собратьям, даже несчастная мумия дала им пригоршню презренного металла, который заслоняет у вас все ваши чувства, отнял у вас все святое. Что сделали вы из священной земли Амона-Ра? Что сделали вы с ее некогда свободными жителями? Зачем разрушили вы наши храмы, зачем надругались над нашими богами, над нашими святынями? Неужели ваша религия не научила вас почитать святыни других, не научила вас относиться с уважением к прошлому? Ведь и мы любили и страдали — за что же вы, пришельцы, оскверняете наши могилы, чем провинились мы перед вами? О, настанет время, когда и ваши храмы будут брошены, и ваши могилы разрыты, и тела ваши выставлены на показ праздной толпе, ищущей развлечений! Час возмездия настанет и для вас, и вы испытаете то, что испытываем теперь мы!

Голос египтянки звучал гневно и чуть дрожал; видно было, что она волнуется, в ее словах чувствовалось глубокое горе. Ее речь была как бы продолжением моих собственных дум; я вполне признавал справедливость ее тяжелых обвинений и, опустив голову под тяжестью их, точно сам переживал те страдания, которые были написаны на лице моей таинственной собеседницы и особенно в ее глубоких черных глазах. Она замолкла и впилась в меня взорами, точно желала прочесть мои мысли, узнать впечатление, произведен-

ное на меня ее словами. Я сделал шаг назад и хотел уйти, думая, что мое присутствие только увеличивает муки прекрасной египтянки, видящей во мне одного из представителей ненавистных ей разрушителей ее святынь, но она подняла руку, делая знак, чтобы я остался, и заговорила вновь.

— Я вижу, — сказала она, — что ты не похож на твоих соплеменников, что и ты готов возмущаться всем тем, что сделали и делают твои собратья. Если я не ошиблась, и если это так, то готов ли ты попытаться исправить тот грех, который они совершили по отношению к моему праху? Готов ли ты помочь мне найти его и возвратить священной земле?

Ее глаза, недавно еще гневные и метавшие искры, смотрели теперь на меня с мольбой и как бы ожидали с трепетом моего ответа. Но какой же ответ мог я ей дать, как не желанный ею? Я весь находился под обаянием ее неземной красоты, какая-то непонятная сила влекла меня к ней, ради нее я был готов на все, я чувствовал, что отныне моя жизнь принадлежит всецело ей, этой неведомой представительнице египетской старины.

— Скажи, что я должен сделать, и я это сделаю, хотя бы это стоило мне жизни, — ответил я, приближаясь к египтянке.

Она взглянула на меня такими благодарными глазами, что я едва удержался на ногах. Она приблизилась ко мне, положила свою маленькую ручку на мое плечо и сказала:

— Я верю тебе, но раньше, чем действовать, раньше, чем я расскажу все, чего от тебя ожидаю, — ты должен вынести ряд тяжелых испытаний, и только если ты выйдешь из них победителем, я скажу тебе свое желание, и только тогда ты приобретешь право видеть меня и помогать мне.

Точно электрическая искра пробежала по мне, когда я почувствовал прикосновение руки: весь дрожа, опустился я на колени и, целуя края ее одежды, скорее прошептал, чем сказал:

— Я — твой раб, ради тебя я готов на всякие испытания, на всякие мучения. Я не знаю, почему, но мне кажется, что я знаю тебя уже очень давно, и что я любил тебя, как люблю теперь.

При этих словах я почувствовал, как египтянка вздрогнула; ее рука опять опустилась на мое плечо, и я почувствовал ее трепет.

Я не могу описать те чувства, которые испытывал в ту минуту — египтянка действительно сразу поработила мой ум, мое сердце, мою волю, и я готов был пойти на какие угодно испытания, готов был по ее одному слову выдержать какие угодно муки и принести какие угодно жертвы.

— Хорошо, — ответила она, — но я поверю в твою любовь тогда только, когда ты докажешь ее, и только тогда получишь ты награду, недоступную простому смертному. Если ты согласен на испытания, то должен провести три ночи в этой гробнице у моего саркофага, и если выдержишь все то, чему тебя подвергнут, то я поверю и в твою любовь и в то, что ты действительно способен и желаешь помочь мне. Если нет, то ты уйдешь отсюда свободным от всякого обязательства по отношению ко мне, а я получу еще одно лишнее доказательство того, что современное человечество способно лишь на предательство, низость и из-за материальных выгод готово отказаться от самых священных привязанностей.

Затем, помолчав, она прибавила:

— Помни, если в течение этих трех ночей тебе не под силу будут испытания, то по одному твоему слову все прекратится, и ты уйдешь отсюда и больше меня

никогда не увидишь ни в этой жизни, ни в будущей. И предупреждаю тебя, что на мое содействие во все время твоих испытаний ты рассчитывать не можешь; я ничем не в состоянии буду тебе помочь, ты должен будешь надеяться лишь на одни твои силы, а их потребуется очень много; будь готов ко всему. А теперь прощай, я буду ожидать тебя в первую ночь новолуния, но запомни, что все это время, кроме молока и растительной пищи, ты ничего не должен есть, и то как можно меньше, вино пить можно, но в количестве, необходимом лишь для поддержания твоих сил.

После этих слов она сделала приветливый знак рукой, и ее темные глаза заглянули в мои, точно она желала убедиться в моих чувствах к ней, в способности ради нее вынести все муки испытания. Еще мгновение взаимного созерцания — и призрак исчез, а я остался один в темной гробнице.

Долго я не мог прийти в себя после всего виденного и слышанного у таинственного саркофага; я совершенно не соображал, что со мной и где я — так необычно было появление этой древней египтянки, которая прикасалась ко мне, которую я видел, которую я слышал. Что это было? Было ли это действительное явление с того света, или же только галлюцинация — результат моего воображения под влиянием окружавшей меня обстановки?

Появление новых лиц вывело меня из оцепенения, в котором я находился; я вышел на воздух. Голова кружилась; точно пьяный, сел я на своего осла и отправился в Луксор, подавленный всем происшедшим. Как во сне, проехал я Долину смерти, не обратив внимания на нестерпимый зной, который охватил все окружающее, машинально сел в лодку и переплыл Нил. Только прохладная ванна, которую я принял сейчас же, вернула мне способность соображать, и к завтраку

я сошел уже в сравнительно нормальном состоянии. После завтрака я заперся у себя в комнате, уселся в кресло и начал размышлять о происшествии сегодняшнего утра. При всей своей вере в возможность явлений из области, как считается, сверхъестественного, — то, что я видел, было до того реально, до того жизненно, что не могло не поразить даже и меня, и мне хотелось путем умственного анализа всего происшедшего понять, что именно произошло со мной в гробнице.

Первый вопрос, конечно: могло ли быть это вызвано каким-нибудь внешним давлением на мозг? Ответ получался отрицательный: никаких излишеств ни в еде, ни в напитках не было, обед накануне был, по обыкновению, легкий, вина не было, маленькая чашка черного кофе — но это было обыденным явлением; ни разговоров, ни чтения, которые могли бы меня возбудить, также не было; спал я отлично, встал бодрым и, входя в гробницу, был очень далек от мысли о возможности каких бы то ни было сверхъестественных явлений.

Гробницы я посещал в этот раз не впервые, и хотя они всегда подымали несколько мое настроение, но уже не поражали воображение, и это появление египтянки было бы понятно, если бы случилось при моем первом посещении гробниц. Итак, как я ни ломал голову, я приходил к убеждению, что был совершенно нормален, и что явление это не было воображением, а являлось вполне реальным проявлением представителя иного мира, и я склонялся к тому, чтобы исполнить желание моей прекрасной египтянки, а к вечеру того же дня решил уже окончательно провести требуемые ею три ночи у ее саркофага и подвергнуть себя необходимым испытаниям.

Само проявление духа — а что это было духовное явление, я ни минуты не сомневался — меня, конечно, смущать не могло, так как я и тогда верил в возможность подобных явлений, и если меня что-нибудь смущало, то только большая его реальность, в которой действовали зрение, слух и осязание; только это меня смущало, и одно желание разъяснить это могло заставить меня исполнить все требования этого материализовавшегося призрака; но, сознаюсь, во мне действовало и не одно простое любопытство: меня захватило чувство, которого я не знал до тех пор, — в этой гробнице я потерял не только голову, но оставил там и сердце. Меня неудержимо тянуло к саркофагу, несмотря на сознание ужаса моего положения, ужаса полюбить призрак. Но будь, что будет — я решил идти туда, куда меня повлечет эта неведомая и таинственная сила. Я делался рабом призрака, но добровольно соглашался надеть тяжелые цепи рабства; я не знал, куда приведет меня эта любовь, я шел с завязанными глазами, но развязывать их мне не хотелось.

Но, чтобы исполнить свое намерение провести ночь в гробнице, надо было подготовить почву, а это не было так просто, так как на ночь все гробницы запираются. Помог мне мой проводник, который взялся переговорить со сторожем. Я боялся, что проводник заинтересуется причиной, но, вероятно, ему приходилось не раз встречаться с самыми дикими фантазиями путешественников, так как, не выражая никакого удивления, он по первому моему слову взялся за исполнение моего поручения, которое и устроил очень быстро при посредстве всемогущего на Востоке бакшиша, который на этот раз оказался весьма значительным: за три ночи с меня потребовали 1000 франков и обязательство глубокого молчания; и то, и другое я с удовольствием исполнил, тем более что тайна моих

ночевок у саркофага была и в моих интересах. Оставалось только ожидать первой ночи после новолуния, а затем предать себя на волю Божию и стараться выдержать испытания; но в этом я почему-то нисколько не сомневался, так как цель была слишком занимательна.

Приходилось ожидать более недели, которая прошла мучительно долго. Несмотря на ежедневные поездки в окрестности Луксора, на огромное впечатление, произведенное на меня храмами Карнака, я жил одной мыслью: увидеть опять призрак египтянки и скорее выполнить все нужные приготовления, чтобы получить эту возможность. Наконец наступил желанный день. Я страшно нервничал, бранил солнце, которое в этот день медленно двигалось по небосклону, но в то же самое время невольный страх медленно заползал в душу, где-то в мозгу копошилась мысль, что все это глупо, — но, несмотря на это, та же душа рвалась к этому таинственному призраку, который, казалось, загипнотизировал меня.

Вот опять я на осле. Проклятое животное еле передвигает ноги, не обращая внимания на удары, которыми осыпает его погонщик и точно решив окончательно измучить меня.

Но всякому мучению наступает когда-нибудь конец. Вот я у входа в гробницу. Меня встречает черномазый сторож, перекидывается несколькими словами с проводником и, получив плату за первую ночь, открывает решетчатую дверь, и я вхожу. Сердце усиленно бьется, а иногда совершенно замирает, кровь то и дело приливает к мозгу, в руках и ногах я чувствую дрожь, колени подгибаются, я еле двигаюсь. Не вернуться ли? Нет, нет: три ночи — и меня ожидает награда. Прочь сомнения, прочь страх. Мне дают зажженную свечу и другую в запас; я слышу стук захлоп-

нувшейся решетки и щелк замка. Жребий брошен, — я один, пламя свечи едва мерцает в моей дрожащей руке, меня окружает тишина, со стен странно смотрят на меня различные фигуры, движущиеся от колебания пламени. Я слышу биение собственного сердца; жутко, но я продолжаю медленно спускаться. Иногда ноги как бы не хотят слушаться меня, — я прислоняюсь к стене коридора и затем заставляю себя идти. Чем ближе к цели, тем я двигаюсь все медленнее, точно на моих ногах гири. Но вот путь кончен, я различаю уже контуры саркофага. Тихо, душно и жутко, но я стараюсь побороть себя; оглядываюсь — надо выбрать место, где бы устроиться, и после некоторого размышления я сажусь на пол за саркофагом, делая его как бы преградой между собой и выходом из гробницы. Ощупываю себя: спички и флакон с коньяком на месте; тушу свечу. Все погружается во мрак. Я всматриваюсь в эту таинственную жуткую тьму, но в ней ничего нет; я закрываю глаза, но сейчас же вновь открываю их в надежде увидеть что-нибудь, но по-прежнему все та же жуткая тишина и мрак...

Послышался звук, точно рукой провели по струнам арфы. Во мне все затрепетало, но опять та же могильная тишина. Но вот опять тот же звук, за ним другой, третий — и вся гробница наполнилась целой гаммой звуков, и хотя ничего не было видно, но я чувствовал, что около меня кто-то есть и не один, а много людей, — я слышал их дыхание, биение их сердец, но пока мое их заглушает. Блеснула точно молния — я закрыл глаза и почувствовал, что что-то происходит здесь, и если я открою глаза, то увижу что-нибудь страшное; я чувствую сквозь веки, что гробница уже наполнена ярким светом. Я решаюсь наконец открыть глаза. Передо мной огромная зала, разделенная колоннами на несколько частей; всюду горят смо-

листые факелы, освещая залу и распространяя сильный, одуряющий аромат. Вдали стоит большая статуя, перед нею несколько жертвенников, но никого нет. Я решаюсь обойти кругом; в нишах вокруг залы стоят статуи, видимо, различных богов, но нигде ни жизни, ни движения. Но вот вдали послышалось стройное пение, которое приближалось. Я спрятался за колонну. Тихо стали появляться жрецы, сопровождаемые хором из мужчин и женщин; за ними шли несколько человек в особенно роскошных одеждах; за ними несли большие опахала из страусовых перьев, украшенные драгоценными камнями; их головы были украшены золотыми обручами с головой змеи впереди; среди них я увидел мой призрак; шествие замыкалось целой толпой египтян в простых одеждах. Все они разместились вокруг главной статуи, и жрецы приступили к богослужению. Закурился фимиам, пение смолкло. Главный жрец поднялся на небольшое возвышение и начал что-то говорить. Все собрание его внимательно слушало, многие стояли с поникшими головами. Я стал всматриваться в мою египтянку, она тоже внимательно слушала жреца, но иногда взор ее обегал всю залу, точно ища кого-то. Не меня ли? Вдруг к главному жрецу подошел молодой египтянин и, почтительно согнувшись, шепнул что-то на ухо. Жрец замолк, затем сказал, несколько слов — и точно электрическая искра пробежала по собравшимся, и все мгновенно повернулись в мою сторону. Я понял, что мое присутствие открыто. Лица египтян не обещали ничего хорошего. Через несколько секунд несколько человек схватили меня и поволокли к жертвеннику, и я очутился лицом к лицу со старым жрецом, который молча разглядывал меня. Глаза его выражали страшный гнев, лицо передергивалось судорогой. Несколько секунд,

которые длилось молчание, показались мне вечностью; наконец он обратился ко мне и спросил:

— Чужестранец, зачем ты здесь, зачем ты нарушил святость нашего храма, зачем и по какому праву ворвался сюда незванный и чуждый нам? Отвечай и знай, что за твой поступок тебя ожидает мучительная смерть.

Я не знал, что делать: мог ли я ответить правду, или должен был скрыть истину?

Я взглянул на свою египтянку. Ее глаза были обращены на меня, но в них я увидел то же выражение, какое было у всех присутствующих, — очевидно, с этой стороны поддержки ждать было нечего. Что же это значило? Неужели она меня обманула?

— Я здесь по приглашению, — ответил я, глядя прямо в мрачные глаза жреца.

— Кого? Но берегись, если ты солгал! — крикнул старик.

— Меня позвала эта женщина, — сказал я, указывая на мою египтянку.

Точно волна пробежала по зале и хлынула по направлению египтянки; на всех лицах видно было напряжение.

— Принцесса Иза, правду ли говорит этот человек, и знаешь ли ты его? — спросил жрец.

Я впился глазами в ее лицо, — от ее ответа зависела моя судьба.

— Он лжет, я не знаю этого человека, — прозвучал мелодичный голос, отдававший меня в руки людей, жаждавших гибели чужеземца.

Людская волна отхлынула от Изы и охватила меня со всех сторон. Я слышал тяжелое дыхание египтян, глаза их метали искры, и если бы не присутствие жрецов, то, вероятно, меня бы тут же растерзали.

Старый жрец поднял руку, все смолкло.

— Этот человек, чуждый нам, не признающий наших богов, смеющийся над ними, проник на наше богослужение: затем он, как вы слышали, солгал. Какому наказанию он должен быть подвергнут? — спросил жрец.

— Смерти, смерти! — пронеслось по всей зале, отдаваясь в высоких мрачных сводах.

— Да будет так, но раньше пусть на пытке скажет он нам, зачем пришел сюда, — произнес жрец и сделал знак рукой.

Меня куда-то повели. Вдруг один из ведших меня египтян наклонился к моему уху и прошептал:

— Одно слово и ты свободен. — Меня эти слова ободрили, значит, Иза помнит меня, и я опять был готов на всякие мучения, раз эти мучения могут быть ей полезны.

Мы шли довольно долго. Наконец меня привели в какое-то мрачное помещение, в котором валялись кости, черепа людей, а в одном углу лежала какая-то бесформенная масса, издававшая стоны. Можно было только догадываться, что это был человек: все тело его было истерзано, глаза, по-видимому, выжжены, кожа висела клочьями, руки и ноги перебиты.

— То же будет и с тобою, — сказал один из провожавших меня.

Я задрожал всем телом и остановился в дверях, но сзади меня толкнули в спину раскаленным железом; я дико вскрикнул от боли и вошел в помещение, где меня ждали ужасы пытки. Прежде всего меня раздели, повалили ничком на деревянный помост и большими гвоздями прибили руки и ноги в коленях, затем начали вырезать из спины ремни. Время от времени меня спрашивали, не желаю ли я что-нибудь сказать, но я, помня только конечную цель моих мучений, лишь мычал и старался думать об Изе, что придавало мне

силы и бодрость. После этой операции меня сняли с помоста и перевернули на спину. Страдания были ужасны, но что было дальше — было несравненно мучительней: раскаленными щипцами мне вырвали глаза, вывернули все суставы на руках и ногах. Но, несмотря на нечеловеческие страдания, я ни разу не потерял сознания: я не только испытывал муки, но и ясно сознавал весь ужас своего состояния, а также сознавал, что одного моего слова достаточно, чтобы все прекратилось. Но для чего это было нужно? Я представлял собой грудку мяса и костей и не мог понять, чем я мог быть полезен в таком виде Изе. Но я верил в нее и решил испытать все до конца.

Когда я был весь исковеркан, вышел старый жрец и спросил меня, не желаю ли я что-нибудь сказать. Я с трудом ответил ему.

— Нет.

— Если нет, то тебе вольют в горло кипящего масла. Подумай.

— Нет, — ответил я.

Мне было все равно, ничто не могло усилить моих страданий, но я ошибся: это было что-то невероятное, когда кипящее масло проникло в горло и желудок. Я хотел крикнуть, но не мог, хотел вздохнуть, но вместо воздуха в дыхательное горло попало то же кипящее масло. Я потерял сознание. Долго ли продолжалось обморочное состояние, я не знаю. Я пришел в себя, болей не было, только чувствовалась разбитость, все члены ныли. Я попробовал пошевелить рукой — она послушалась; попробовал подняться — и без труда это сделал: все конечности были целы. Я со страхом дотронулся до глаз — они были целы. Я не выдержал и разрыдался от радости. Я был счастлив вдвойне: все ужасы этой ночи для меня прошли бесследно, а кроме того, я выдержал часть испытания. Послышались ша-

ги — ко мне подходил сторож-араб — надо было уходить из гробницы.

Возвратившись в Луксор, я отправился первым делом в ванну, чтобы немного подбодрить себя, — я чувствовал себя совершенно разбитым. Когда я разделся, то с удивлением увидел на теле следы как будто заживших ран, на коленях видны были следы от гвоздей. Меня это страшно поразило: значит, это не была галлюцинация; но тогда что же это было? При всей моей вере в возможность перевоплощения, в возможность общения с загробным миром — действительность превзошла все мои ожидания.

Весь день провел я в обдумывании всего того, что произошло в прошлую ночь, и, несмотря на невероятные муки, которые я испытал, ни на одну минуту не явилась у меня мысль о возможности не исполнить всего, чего требовала от меня Иза. Как мое тело, так и мое внутреннее «я» были всецело покорены ею.

На вторую ночь началось все так же, как и накануне, только мне казалось, что глаза принцессы Изы выражали мне сочувствие, подбадривали меня, однако так же, как и раньше, на вопрос жреца она ответила, что не знает меня, но в голосе ее мне почудились уже другие нотки: я не слышал в них того холодного презрения, которым дышали они накануне. Я чувствовал, что она довольна мною, и я вновь был готов идти ради нее на всевозможные муки.

И эти муки были еще ужаснее. После различных истязаний с меня была содрана кожа, и я был брошен в котел с кипящим маслом. Все время я не терял сознания и испытывал невероятные муки, пока мне не почудилось, что на мои глаза легла чья-то небольшая ручка. «Это — Иза», — мелькнуло у меня в голове, и я потерял сознание, а когда очнулся, то оказался опять в темной гробнице. Эта ночь окончательно выбила ме-

ня из сил, и я с ужасом думал о последнем испытании, в состоянии ли я буду его вынести.

Ночь началась так же. Так же жрец обратился к Изе с вопросом, знает ли она меня и действительно ли позвала меня на их собрание, но ответ уже был не тот.

— Он говорить правду, — прозвучал ответ Изы.

Все море голов заколебалось, и с недоумением переводили присутствовавшие свои глаза с Изы на меня и обратно, ожидая разъяснения.

— Кто же он, и зачем ты привела его сюда? — спросил жрец.

— Это мой жених, принц Рама, в его новом воплощении. Я привела его сюда, чтобы довершить то, что не могло совершиться в его предыдущем воплощении, и когда это совершится, он должен найти мою мумию и вернуть ее священной земле Гатор.

Я стоял ошеломленный и удивленный словами Изы: теперь я начал многое понимать, что раньше было для меня загадочным. Так вот причина, почему мне были так знакомы все эти величественные остатки древнего Египта.

Слова Изы вызвали движение в зале, но это движение не было уже враждебным мне.

— Принц Рама, — обратился ко мне жрец, — готов ли ты подвергнуться последнему испытанию, которое бы убедило всех, что ты действительно тот, за кого тебя считает принцесса Иза?

— Да, я готов перенести все, чему бы меня ни подвергли.

— Готов ли ты вернуться к своей прежней вере и клянешься ли ты вечно поклоняться богам древнего Египта?

— Клянусь! — ответил я твердым голосом.

— Готов ли взять в жены принцессу Изу, предназначенную тебе в твое предыдущее воплощение?

— Готов! — с радостью чуть не крикнул я.

— Клянешься ли ты любить ее вечно во всех твоих последующих воплощениях?

— Клянусь!

— Теперь пойдем, — сказал жрец.

Мы вышли из залы и довольно долго шли длинным коридором; становилось душно — мы точно приближались к самому пеклу: я едва дышал. Наконец мы подошли к большому помещению, наполненному огнем, который охватило большое пространство; огромные языки пламени подымались кверху и лизали раскаленные докрасна каменные своды. Мы остановились за несколько шагов до огня. Жар был так силен, что на мне начало тлеть платье.

— На другой стороне этого огня есть такой же вход, как и тот, которым мы пришли. Ты должен в него проникнуть, и если ты действительно принц Рама, то сделаешь это беспрепятственно, если же ты обманываешь нас и принцессу Изу, то ты погибнешь в огне! — сказал мне жрец.

Если это так, то бояться мне было нечего: я уже верил в то, что я действительно существовал раньше и что я египтянин по происхождению; наконец, меня ожидала награда в виде руки Изы, без нее я уже жить не мог, а каким образом покончить свое существование — мне было совершенно безразлично.

Я решительно и спокойно двинулся через пламя, которое моментально превратило мое платье в пепел, но совершенно не коснулось меня, и я свободно шел по огромному коридору. Пламя расступалось предо мной и точно указывало дорогу, пока я не вышел из него. Меня встретил тот же жрец. Лицо его улыбалось, он протянул ко мне руки:

— Приветствую тебя, принц Рама, для новой жизни. Да благословят тебя Гатор, Изида и Амон-Ра.

Я в глубоком волнении склонился к его ногам и припал к ним. Слезы невольно текли из моих глаз; но это были блаженные слезы радости и счастья. Жрец ударил в ладоши, и на его зов явилось несколько слуг; они принесли одежду, в которую меня облекли, и надели мне на голову золотой обруч с головкой змеи, как знак моего высокого происхождения. Я превратился в знатного египтянина эпохи фараонов, после чего мы направились опять в залу, где нас с нетерпением ожидали, зная уже о благополучном окончании испытания. Все низко кланялись мне и шумно приветствовали. Мы подошли к главному алтарю. Жрец читал молитвы, я громко повторял за ним, затем мы простерлись перед статуей богини, после чего я сделал возлияние благовонного масла на горевший в жертвеннике огонь.

Когда окончилось жертвоприношение, жрец обратился к Изе:

— Принцесса Иза, желаешь ли взять в мужья принца Раму?

— Да, желаю, — ответила Иза. — Я уже раз клялась в любви ему и готова повторить эту клятву и ныне.

— Принц Рама, подойди к принцессе и подведи ее к жертвеннику.

С бьющимся сердцем подошел я к Изе, она с улыбкой подала мне руку, и мы подошли вместе к жертвеннику, около которого и остановились, держа друг друга за руки.

— Положите руки ваши на жертвенник, — сказал жрец.

Когда мы это исполнили, жрец обратился ко мне:

— Принц Рама, клянись в том, что будешь вечно поклоняться богам древнего Египта.

— Клянусь.

— Клянись, что будешь исполнять все то, что будет исходить от главного жреца Амона-Ра, как верховного духовного владыки древнего Египта.

— Клянусь.

— Клянись, что никогда и никому не выдашь тайны наших собраний, если не получишь на это особого разрешения.

— Клянусь.

— Клянись, что вечно будешь любить супругу свою — принцессу Изу.

— Клянусь.

— Принцесса Иза, клянись, что вечно будешь любить супруга своего — принца Раму.

— Клянусь, — твердо ответила Иза.

После этого мы совместно с Изой сделали возлияние на жертвенник и выпили вина из кубка, который нам подал жрец.

Послышались звуки музыки, все стали подходить к нам с поздравлениями, а затем, сопровождаемые жрецами и родными Изы, мы были отведены в покои Изы и наконец остались одни.

Отсутствие мое из Луксора продолжалось целую неделю, о чем, впрочем, администрация отеля была своевременно уведомлена, так что тревоги не было. Через неделю я очутился в той же гробнице, к немалому удивлению сторожа-араба.

Я не в силах описать, как провел я эту неделю: это был какой-то кошмар, и я удивляюсь, как я не сошел с ума от беспредельности того счастья, какое дала мне Иза.

В это же время рассказала она мне о том, что происходило четыре тысячи лет тому назад, когда я жил на берегах Нила под именем принца Рамы. Мы были с нею в очень отдаленном родстве и оба приходились

троюродными внуками царствовавшему тогда фараону. Иза была жрицей в одном из храмов в Фивах, а я командовал отрядом телохранителей фараона. Родители наши были очень дружны, и наши близкие отношения начались еще с детского возраста, и еще детьми мы были объявлены женихом и невестой. Перед тем, как обвенчать нас, родители отдали Изу в храм, в котором она должна была пробыть два года, но за это время Египту пришлось перенести несколько повальных болезней, от одной из которых и умерла Иза, и мумия ее была похоронена в той гробнице, где я ее встретил.

Как жрица, Иза была под особым покровительством богов и после смерти попала в царство духов, живших в подземном Египте, имевших свои храмы, свои сокровища и имевших возможность воплощения по своему желанию. Царство это дожило и до наших дней, в нем свято хранятся все заветы древнего Египта, и до сих пор там приносятся жертвы богам священной земли Нила. Вот в это-то царство и попал я, но, как смертный, я не могу окончательно уйти к ним, а сообщаюсь только временами, после же моей смерти, если я умру в Египте, мой дух перенесется к Изе, чтобы уже не разлучаться с нею вечно.

После своей смерти Иза, конечно, следила за мной и ждала того момента, когда мой дух соединится с ней, но, по-видимому, со мной что-то случилось и я умер за пределами Египта, так как моей мумии в Египте не было. Прошли тысячелетия. Иза все время искала меня, но, не имея возможности воплощаться или, вернее, проявляться вне пределов древней земли фараонов, она в своих поисках была весьма ограничена. Надо было ожидать или воплощения моего опять в Египте, или же хотя бы появления на берегах Нила. Последнего ей пришлось ждать четыре тысячи лет. Первый

раз увидела она меня у сфинкса, где она была в числе присутствовавших при богослужении, и ей сразу же бросилось в глаза сходство мое с ее женихом, почему она и не выдала там моего присутствия, а затем, переговорив с главным жрецом, все время следила за мной, ожидая наиболее удобного случая для своего проявления. Эти жестокие испытания, которые мне пришлось вынести, были назначены главным жрецом, который, кроме проверки моей личности, желал как бы очистить меня, и Иза, конечно, обязана была подчиниться, несмотря на то, что страшно страдала, отказываясь от меня и зная, какие муки меня ожидают, и боясь, что я не вынесу их, и она меня вновь потеряет.

Тогда же Иза рассказала мне, что, когда открыли саркофаг, то мумию взяли и отвезли из Египта, но куда — она не знает, так как не только проявляться телесно, но даже и духовно вне пределов Египта они не могут, и что это исчезновение мумии причиняет ей страшное горе; она просила меня отыскать мумию и привезти в Египет. Я поклялся ей, что сделаю все, чтобы исполнить ее желание, но чтобы она помогла мне в этом. И мы условились, что я объеду все города мира, где только могут быть мумии, и привезу фотографические снимки, по которым она и узнает свою. Но каждый год, в годовщину нашей свадьбы, я должен был являться в Египет и проводить с Изой неделю; кроме того, она дала мне очень древний талисман, посредством которого я мог вызвать ее, но не должен был злоупотреблять этим, так как с ее стороны для этого требовались особые условия и усилия, и обещала, кроме годовщины, проводить со мной два дня во время новолуния; три же раза в год, когда совершаются большие богослужения у сфинкса и в гробни-

цах, я спускаюсь сам в это царство полулюдей и полутеней.

После возвращения в Луксор я долго ходил как помешанный. Я не мог забыть этих дней, проведенных с Изой. Спокойствие приходило постепенно, и этим я обязан ей же: ежедневно, когда я ложился спать, я чувствовал ее присутствие, иногда чувствовал прикосновение к глазам ее маленькой бархатной ручки, что меня очень успокаивало. Дней через десять я выехал из Египта на поиски мумии. Накануне отъезда я отправился опять в гробницу в надежде видеть Изу, и она действительно явилась; мы провели с нею часа три и простились на год. На другой день я уехал. Я забыл еще сказать, что во всех своих сношениях с этим миром духов я говорил совершенно свободно на древнем египетском, языке, на нем же говорю и с Изой.

IV.

Начались мои странствования по Старому и Новому Свету; через год с целой массой фотографических снимков я был в Египте, но — увы! — среди них желаемого не было. С грустью разошлись мы опять с Изой, решив, что я вернусь через полгода, так как разлука в течение целого года была слишком тяжела для нас обоих. В этот раз я побывал в Америке, где нашел достаточное количество мумий. На этот раз поездка увенчалась полным успехом: в одном из снимков Иза признала свою мумию, и я отправился вновь в Америку уже с определенной целью добыть драгоценные останки Изы.

Приехав на место, я свел знакомство со сторожами музея, где хранилась мумия, и постепенно стал готовить почву. Золото явилось, конечно, главным фактором, и через три месяца мы вполне сговорились. Условия были довольно тяжелые: я должен был обеспечить пятерых сторожей капиталом, который приносил бы доход, равный получаемому ими содержанию, если же бы они были приговорены к заключению, то капитал этот удваивался. Половина капитала выдавалась вперед, вторая по вручении мне мумии, удвоенный же капитал — в первый день после обвинительного приговора суда. Одним словом, эта операция обошлась мне в сорок тысяч франков.

Уплатив половину денег, я ждал результатов, уверенный, что сторожа исполнят свои обязательства. Прошло что-то около двух недель, я начал уже волноваться, как вдруг вечером, просматривая местную ве-

черную газету, мне бросается в глаза крупный заголовок:

«Дерзкая кража. Сегодня утром в музее древностей обнаружена кража одной из египетских мумий: похищена женская мумия, одна из древнейших и великолепно сохранившаяся. Похищение произведено через разобранную стеклянную крышу музея. Кража обнаружена утром, при обходе музея хранителем. Ключи от всех помещений хранятся у хранителя, сторожа же охраняют входы. Сторожа в течение ночи ничего подозрительного не заметили; все они служат при музее много лет. При обыске найдена пуговица морского образца; не послужит ли она путеводной нитью в розыске дерзких грабителей?»

Итак, свершилось; меня било, как в лихорадке. В этот и следующий день я не выходил из комнаты, сказавшись больным: я боялся как-нибудь себя выдать.

Утренняя газета принесла довольно мало: были произведены обыски у нескольких лиц, обыскали также квартиры всех служителей, причем газета добавляла, что последнее было сделано для успокоения совести, что никаких подозрений на них не падает и, что, в воздаяние за обыск, им были даже выданы награды.

Все, по-видимому, обстояло благополучно, но каким образом удастся мне получить эту мумию — это вопрос, который меня страшно волновал, однако приходилось терпеливо ожидать дальнейших событий.

Власти очень усердствовали, перерыли чуть ли не весь город, обыскали все суда на рейде, но ничего не нашли и затем понемногу начали успокаиваться; прошел месяц, о мумии перестали говорить, открыли и музей, закрытый после катастрофы, и я сейчас же отправился туда. Сторожа не обращали на меня никакого внимания, точно видели меня в первый раз. Я недоумевал.

Когда я выходил из музея, меня догнал один из сторожей и со словами: «Сударь, вы выронили», протянул мне письмо. Я, конечно, понял, в чем дело, поблагодарил его и поспешил домой, где прочел следующее: «Известная вам особа проживает в Карлсдорфе у Генриха Шмидта, на городской площади № 72. Назовитесь Иоганном Миллером и скажите, что покупаете сигары».

Карлсдорф был в нескольких верстах, и я отправился туда пешком. Скоро я нашел самого Генриха Шмидта, у которого в погребе хранилась в большом ящике мумия Изы. Теперь являлся вопрос, как вывезти ее из Америки? Мы долго обсуждали это с Шмидтом, которому тоже пришлось заплатить за участие в похищении, и наконец решили упаковать ее вместе с частями большой паровой машины, спрятав ее в топку: Шмидт брался это устроить. Прошло еще дней десять. Был серый, пасмурный день, у пристани грузился большой океанский пароход, отходивший в порты Средиземного моря. Я приехал на него очень рано и с палубы наблюдал за нагрузкой. Гремела цепь подъемного крана, спуская в гигантскую утробу парохода тысячи пудов груза; вот в воздухе мелькнула моя паровая машина с заключенной в ней мумией и с грохотом опустилась в трюм.

Второе дело было сделано, осталось только уйти из американских вод и благополучно миновать Александрийскую таможню. Я продолжал стоять на палубе и смотрел, не появится ли полиция, но нет — вот уже третий гудок, трап убран, и пароход медленно отходит от пристани. Я мысленно благодарю Изиду и Гатор за успешное окончание трех четвертей моего предприятия, в Александрии же я надеялся на помощь Изы.

Медленно потянулись однообразные дни. Наконец появился хорошо мне знакомый Александрий-

ский маяк; я приближался к стране, которая должна была стать отныне моим отечеством, где меня ожидало блаженство, ожидала моя Иза.

Связав ручной багаж, я сошел на набережную. Только что я сделал несколько шагов, как ко мне подошел молодой человек и молча подал письмо. Я взглянул на конверт, на нем было несколько древнеегипетских знаков, и прочел имя принца Рамы. Я с удивлением поднял голову, но молодого человека уже не было, он точно в землю провалился. Я распечатал письмо и с удивлением прочел: «Ожидаю тебя в Каире, — следовал подробный адрес и описание дома, — постучи три раза в дверь и отворившему покажи свой талисман. Иза».

По данному адресу я легко нашел жилище Изы и не успел войти в дом, как попал в объятия моей возлюбленной жены. Когда мы немного успокоились, я спросил, что значит ее переселение в Каир, на что она ответила, что ей разрешено прожить со мною целый год, что она купила этот дом для меня, устроила его в древнеегипетском вкусе, и что здесь же будут происходить и наши последующие свидания, кроме тех, конечно, случаев, когда я сам буду являться среди древних обитателей подземного Египта. Иза горячо благодарила меня за привоз ее мумии; теперь о ее судьбе она не беспокоилась: раз мумия в Египте, то друзья Изы сумеют получить ее.

Действительно, мумию извлекли из недр машины раньше, чем был произведен таможенный досмотр, и мы оба присутствовали на торжественных похоронах мумии на большой глубине под сфинксом.

Тихо и безмятежно прошел этот счастливейший в моей жизни год. Иза постепенно вводила меня в этот мир чудес, в котором сама жила четыре тысячи лет, и в котором предстояло жить и мне после окончания

моей земной жизни. Она научила меня полюбить этот древний Египет, полюбить его богов.

Этот год, который мы прожили вместе, мы были окружены слугами Изы, которые являются с нею каждый раз, своих же я на эти дни отпускаю. Хотя Иза и может быть видима простыми смертными, но после общения с ними она должна совершать особый обряд очищения, почему и избегает показываться кому-либо. В течение этого года, конечно, ей пришлось войти в сношение с людьми и завести знакомства, чтобы не вызвать толков, так как я все же еще принадлежу этому миру, но тот раз она как бы совершенно воплотилась и приняла человеческую оболочку, и очищение было произведено после окончания всего года. Тогда же она позволила написать свой портрет. Если желаешь, то я попрошу Изу показаться и тебе.

— Конечно, желаю; во-первых, мне бы хотелось познакомиться с женщиной, которая сделала тебя счастливейшим из смертных, а во-вторых, согласишься, что все, что ты рассказал, до того необычно с нашей человеческой точки зрения, что вполне естественно желать и доказательств.

— Хорошо, я постараюсь упросить Изу, но поклянись, что все, что ты слышал от меня, и все, что увидишь, ты сохранишь в тайне до моей смерти.

— В этом ты можешь быть вполне уверен, и я охотно даю тебе требуемую клятву.

Приближались дни, когда должна была явиться на два дня Иза. Иволгин попросил меня переехать в гостиницу, что я с удовольствием и исполнил, надеясь, что и мне удастся проникнуть в дом Иволгина в течение этих двух дней его свидания с женой. В ожидании разрешения Изы, Иволгин посоветовал мне приготовиться к свиданию: взять ароматическую ванну и ничего, кроме молока и меда, в этот день не есть, — что

я, конечно, и исполнил. Но все приготовления на этот раз были напрасны: Иза не хотела меня видеть, а назначила свидание через десять дней, желая произвести воплощение в моем присутствии, причем она сказала Иволгину, что пробудет с нами два часа.

Я переселился к Иволгину. Наступил наконец назначенный день, накануне вечером и в этот день утром мы приняли ароматические ванны и соблюдали нужную диету.

Около восьми часов вечера мы перешли в кабинет Изы. Иволгин, бывший теперь в образе принца Рамы, так как на нем был костюм древнего египтянина, распростерся перед статуей богини, шепча молитвы, затем зажег несколько светильников и совершил возлияние ароматическим маслом, от чего весь жертвенник и вся фигура богини были вскоре окутаны легким облаком. Я не спускал с жертвенника глаз, не желая упустить момент появления Изы. Продолжалось это всего несколько минут. Мне показалось, что среди облаков дыма появилась фигура; в это время поднялся Иволгин и протянул руки, и я увидел, что на них легли две другие маленькие ручки, и через мгновение Иволгин и Иза подошли ко мне; я еле успел вскочить и поклониться Изе. Все произошло так быстро, что я не мог ничего сообразить; поразила меня и красота Изы, так гармонировавшая с ее великолепным древнеегипетским одеянием. Она подошла ко мне и с улыбкой протянула руку, сказав: «Я рада видеть у себя друга моего мужа и счастлива, что могу удовлетворить ваше желание меня видеть» (Иволгин служил переводчиком).

Эти два часа промелькнули очень быстро среди общего разговора. Иза расспрашивала меня о России, о впечатлении, произведенном на меня Египтом, но ни одним словом не обмолвилась о том таинственном мире, в котором жила сама, только перед своим уходом

спросила, долго ли я проживу у них и не желаю ли я присутствовать на богослужении у сфинкса. Я, конечно, ответил, что был бы чрезвычайно счастлив видеть это; тогда она дала мне маленький амулет, сказав, что он явится пропуском и даст мне возможность все видеть, так как для обыкновенных смертных остается все невидимым, хотя бы они и стояли в самой толпе действующих лиц. После этого она протянула мне руку и, крепко пожав ее, пожелала не соскучиться в Каире, затем, взявшись за руки с Иволгиным, они простерлись перед жертвенником, после чего она, положив руки на плечи мужа, поцеловала его и исчезла, оставив после себя легкий аромат незнакомого для меня запаха.

Все было так просто и вместе с тем так таинственно, что я долго не мог прийти в себя, с удивлением глядя на полученный амулет, этот вещественный знак невестственного знакомства с представительницей другого мира. Правда, после церемонии у сфинкса мне пришлось возвратить амулет, но он пролежал у меня в кошельке больше месяца, и я сделал с него фотографический снимок, который цел у меня до сих пор. После этого прошло уже много лет, однако я отчетливо представляю себе все подробности свидания с Изой и не колеблясь могу сказать, что она действительно была среди нас, и что это не был неосвязаемый призрак.

Через месяц мы с Иволгиным отправились к сфинксу, я устроился между его гигантскими лапами и под защитой амулета наблюдал красивую картину церемонии, совершенно такую же, как описывал ее мне Иволгин. Сам же Иволгин присоединился к ее участникам, и я видел его вместе с Изой среди толпы знатных египтян, стоявших вблизи главного жреца.

Я больше не видел Изу, хотя она постоянно передавала мне через Иволгина привет. Вскоре после бого-

служения у сфинкса я уехал. Провожая меня, Иволгин, по поручению Изы, передал фотографический снимок с ее портрета и маленького золотого жучка, за которым числилось несколько тысяч лет. Оба эти предмета свято хранятся у меня, как воспоминание о чуждах страны пирамид.

Иволгин прожил несколько лет, и я поддерживал с ним деятельную переписку; он по-прежнему был счастлив и с верой в будущую жизнь ожидал кончины. Так продолжалось около пяти лет, затем письма от него прекратились, и я, беспокоясь о нем, поехал опять в Каир. Там я узнал, что мой друг скончался и погребен на каирском христианском кладбище, куда я и отправился. Могилу отыскать было нетрудно, так как памятник на ней привлекал общее внимание: это была усеченная пирамида из черного мрамора, с одной стороны которой, в глубокой нише, стояла статуя богини Изиды из белого мрамора.

Вся обстановка дома, представлявшая археологическую ценность, была завещана музею с тем, чтобы там было устроено особое отделение, носившее имя принца Рамы и принцессы Изы.

Об авторе

Леонид Михайлович Савёлов – русский государственный и общественный деятель, генеалог, археограф, прозаик, коллекционер – родился в 1868 г. в Варшаве в семье потомственных военных (дед, полковник лейб-гвардии конного полка, участвовал в войне 1812 года).

После окончания в 1886 г. Орловского кадетского корпуса служил в Харьковской контрольной палате. С 1888 года в отставке.

С 1892 по 1903 год являлся уездным предводителем дворянства и почетным мировым судьей Коротоякского уезда Воронежской области, председателем уездной земской управы.

В 1904 году был причислен к Министерству внутренних дел и переехал в Москву, где стал одним из основателей и первым председателем Историко-Родословного общества в Москве. С 1906 г. был назначен председателем Археографической комиссии Особого комитета по устройству музея Отечественной войны 1812 г.

С 1908 года, будучи уже камергером императорского двора и действительным статским советником, заведовал Московским архивом Министерства Императорского Двора, читал курс лекций в Археологическом институте.

В годы Первой мировой войны был начальником санитарной и эвакуационной части Красного Креста, в 1916-1917 гг. последним Холмским губернатором. Проживал в Казани, куда были эвакуированы правительственные учреждения из Холмской губернии. От имени губернских и уездных учреждений присягнул на верность Временному правительству, лично оставаясь убежденным монархистом.

До эмиграции в 1920 г. Л. М. Савелов опубликовал множество книг и статей по генеалогии и геральдике, в том числе «Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию русского дворянства» (1893). В 1910 г. передал материалы личной коллекции (около 6000 документов) в московский Исторический музей; после революции 1917 г. туда же поступила его библиотека, включавшая 4000 книг по генеалогии, и личный архив.

С 1920 г. жил в эмиграции (Греция, Югославия). Преподавал в русской женской гимназии в Афинах, был представителем парижского Земгора. Основал в Афинах Научно-литературный кружок и Греко-Русский Пушкинский комитет. В 1933 году издал фундаментальный труд «Древнее русское дворянство» и год спу-

стя основал генеалогический журнал «Новик». В 1937 г. переехал к семье младшей дочери в США, где продолжал заниматься генеалогическими исследованиями, инициировал создание Русского Историко-Родословного Общества и работал над воспоминаниями. Умер в 1947 г.

Небольшая повесть «Принцесса Иза» была впервые опубликована в журнале «Нива» (№ 3-6, 1914, с подзаг. «Рассказ»), а позднее вошла в книгу Савелова «Роксана. Принцесса Иза» (М., 1915). В контексте повести стоит упомянуть, что в 1916 г. Савелов опубликовал в Москве книгу «От Босфора к пирамидам: Путевые впечатления».

В 2005 г. повесть была напечатана в журнале «Чудеса и приключения», причем не только с сокращениями, но и с произвольными искажениями текста. Настоящее издание, таким образом, фактически является первым полным переизданием этого произведения. Текст публикуется по журнальному изданию в новой орфографии, с исправлением некоторых устаревших оборотов и отдельных особенностей пунктуации.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.